

Впрочем, когда Ся Цзиянь был младше, на него ополчилась вся школа. Клеймо «гомосексуала» превратило его жизнь в ад, сделав его главной мишенью для издевательств. Поступив в старшие классы, он усвоил этот жестокий урок и стал тщательно скрывать свои чувства.

Поэтому его робкое желание влюбиться так и оставалось лишь фантазией. Ся Цзиянь до дрожи боялся осуждения со стороны «большинства нормальных людей».

Эта внезапно пробудившаяся тяга пугала его, и вместо того чтобы сблизиться, он начал намеренно избегать Лин Чэня.

Цзиянь надеялся, что если он отдалится, то глупая влюбленность сойдет на нет, растворится сама собой. Но стоило ему замолчать и перестать писать первым, как Лин Чэнь сам стал искать с ним общения.

— Привет! Как жизнь? Тут трейлеры апрельских онгоингов выкатили, смотрел уже? — писал Лин Чэнь.

— Те «Хроники героев дневных грез», походу, будут просто бомбой!

Ся Цзиянь раз за разом давал себе зарок не заходить на страницу Лин Чэня и не открывать диалог, но пальцы словно жили своей жизнью.

«Прохладный Ветер Небесного Цвета»:

— Да ладно? Мне тоже показалось, что вещь стоящая. Главный герой выглядит невероятно круто.

Лин Чэнь:

— Вот-вот! И я о том же! Просто отвал всего!

Цзиянь был не в силах совладать со своей тягой к этим разговорам. Если выдавался день без их переписки, он чувствовал себя потерянным, будто из жизни вырвали важный кусок. Но стоило им перекинуться хотя бы парой фраз, и мир снова обретал краски. Благодаря этим беседам весь весенний семестр второго курса пролетел для Ся Цзияня на одном дыхании, наполнив его жизнь особым, теплым смыслом.

Даже сейчас, оглядываясь назад, он часто ловил себя на мысли, что просит у судьбы не так уж много. Вернуть бы то время... Те дни на втором курсе казались ему теперь вершиной счастья: бережная дистанция, неуловимая недосказанность и в то же время невероятно тесная связь. Ся Цзиянь с горечью понимал, что тогда совершенно не ценил своего счастья.

Возможно, призраки прошлого — издевательства в средней школе из-за нелепого клейма — нависали над ним слишком тяжелой тенью. Душа его металась в нерешительности: интуиция тянула его к Лин Чэню, но холодный рассудок заставлял выстраивать баррикады и искать любые поводы для отдаления.

В сети бытует мнение, что виртуальные чувства неизбежно разбиваются о суровую реальность при первой же личной встрече. «Стоит мне увидеть его вживую, — рассуждал Цзиянь, — и вся эта иллюзорная магия испарится. Наваждение пройдет, и мы сможем остаться просто хорошими друзьями». Как раз в это время их онлайн-сообщество решило устроить общую офлайн-встречу друзей по интернету. Ся Цзиянь ухватился за этот шанс как за спасительную соломинку. Он ехал туда с твердым намерением безжалостно растоптать собственные наивные иллюзии и вернуть наконец власть рассудку.

Увы, реальный Лин Чэнь не оставил от этих планов камня на камне. Отрезвления не произошло.

Он оказался точь-в-точь таким, каким рисовался по голосу: невысокий, хрупкий, с чуть длинными, но аккуратно причесанными волосами. На нем были очки в солидной серебряной оправе, которые должны были придавать ему зрелости, но на его лице они смотрелись как-то по-детски мило, лишь подчеркивая общую обезоруживающую наивность.

Единственным отличием от виртуального образа оказалась манера общения. В интернете Лин Чэнь строчил сообщения как из пулемета: на одну реплику Цзияня выкатывал целую простыню текста. В жизни же он оказался невероятно застенчивым. При первой встрече он залился краской, а когда пытался заговорить, слова застревали у него в горле, спотыкаясь на каждом слогe.

В день сходки глава сообщества, Господин А-Хо, собрал всех в ресторане. Процесс знакомства прошел быстро, после чего организаторы предоставили всех самим себе. Разумеется, компания мгновенно распалась на мелкие группки по интересам — люди инстинктивно жались к тем, с кем ближе всего общались в чатах.

После обеда часть компании отправилась играть в настолки, другие потащились в караоке. Ни то, ни другое Лин Чэнь и Ся Цзиянь не прельщало, поэтому они решили сбежать в кино. За столом между ними еще чувствовалась неловкость. Хотя они и сидели бок о бок, разговор не клеился: Лин Чэнь сосредоточенно глушил фанту, а Цзиянь с преувеличенным усердиемковырялся в тарелке с рыбой. Но после сеанса все изменилось.

Они пошли на какую-то заумную артхаусную драму. Минуте на сороковой Лин Чэнь тихонько захлюпал носом. Он не ревел в голос, а беззвучно, отчаянно кусал губы и раз за разом смахивал набегавшие слезы. Цзиянь, заметив это, молча протянул ему бумажный платок. В итоге Лин Чэнь проплакал до самых титров, а Цзиянь, превратившись в ходячую раздачу салфеток, только и успевал подсовывать новые, завороченно разглядывая профиль спутника в полумраке кинозала.

Ся Цзиянь ловил себя на мысли, что плачущий Лин Чэнь казался ему невероятно трогательным. Сам же виновник его умиления страдал не на шутку. Еще бы: взрослый парень разрыдался в кинотеатре как девчонка, да еще и извел целую пачку салфеток у едва знакомого человека. Позор планетарного масштаба.

— П-про... прости... п-пожалуйста... — выдавил Лин Чэнь по дороге в гостиницу.

Ся Цзиянь тепло улыбнулся:

— За что ты извиняешься?

— Ну... что разнюнялся там...

— Глупости. Это просто доказывает, что у нашего Сяо Лин Чэня тонкая душевная организация.

Лин Чэнь покраснел еще сильнее:

— Какая еще... т-тонкая... Ч-что за бред...

— Правда, это было мило. Не переживай ты так.

— Просто... — Лин Чэнь вздохнул, пытаясь справиться с волнением. — Фильм оказался слишком тяжелым. Настоящая беспросветная хмарь, прямо в духе Иваи Сюдзи.

— Иваи Сюдзи? — удивился Цзиянь. — Ну, до его беспросветности сегодняшней картине далеко.

Ся Цзиянь действительно немного разбирался в кинематографе. В юности у него тоже был своеобразный «эстетский» период. В средних и старших классах он почти не притрагивался к манге, аниме или легкой развлекательной литературе. Его досуг состоял из чтения серьезных книг и просмотра кино. Книги он выбирал в основном из школьного списка классики, а вот фильмы глотал без разбора: от голливудских блокбастеров и шедевров Pixar до азиатского артхауса студий Toho и Toei. Правда, несмотря на весь этот багаж из литературных монументов и великих кинолент, утонченным интеллектуалом Цзиянь так и не стал. Сам он списывал это на полное отсутствие творческой жилки.

— Тебе нравится Иваи Сюдзи? — Лин Чэнь заметно оживился.

— Не особо, — честно признался Цзиянь. — Слишком уж он депрессивный. Хотя в средней школе я им зачитывался... точнее, засматривался. Был просто помешан на его картине «Всё о Лили Чоу-Чоу». Вечные радиоволны, эфир, меланхоличный голос Лили...

В те годы, когда его травилa вся школа, история Хасуми и бескрайние зеленые просторы пшеничного поля находили в его истерзанной душе глубокий отклик.

— Ого... — протянул Лин Чэнь.

— Вообще, Лин Чэнь, не советую тебе слишком увлекаться подобным кино. Только жизнь тратить, — Ся Цзиянь шутливо нахмурился. — Хотя тебе по возрасту положено. Я в твои годы тоже обожал всю эту слезливую чушь. Знаешь, все эти «светлые печали», «красивую боль» и прочий подростковый пафос. Боже, как вспомню — испанский стыд...

— А мне нравится «Всё о Лили Чоу-Чоу», — тихо возразил Лин Чэнь.

— Да ну, бред же! — Цзиянь отреагировал на удивление бурно. — Не должно быть так. Фильм транслирует какую-то отравляющую безысходность. В юности у всех бывают трудности, спору нет. Но эта пассивная позиция главного героя? Сидеть, жаловаться на несправедливость мира и опускать руки... Детям такое смотреть категорически нельзя. Лин Чэнь, тебе...

— Ха-ха-ха! — Лин Чэнь рассмеялся, и его скованность окончательно испарилась. — Согласен, фильмы Иваи Сюдзи пропитаны чисто японской меланхолией. Мне это тоже не совсем близко, но с точки зрения визуальной эстетики работа проделана колоссальная. У него потрясающее чувство кадра и великолепный саундтрек. То, как он выстраивает баланс между картинкой и звуком, — настоящий учебник для любого творца.

Ся Цзиянь на секунду потерял дар речи. Он ожидал услышать дежурный пафос о «вечных радиоволнах» или «спасительном зеленом поле», уводящем от суровой реальности, — словом, все то, чем когда-то тешил себя он сам. Но Лин Чэнь смотрел на картину совершенно иначе. Его интересовала... техническая сторона процесса. Кухня создания кино.

— Я вообще-то дипломированный звукорежиссёр, ну или без пяти минут дипломированный! — с гордостью произнес Лин Чэнь. — А профессиональный звукорежиссер обязан чувствовать аудиосферу кожей. Музыку к этому фильму писал Такэси Кобаяси. Его фирменный японский психоделический рок создает потрясающее ощущение зыбкости, дрейфа между сном и реальностью. Забавно: фильм называется «Всё о Лили Чоу-Чоу», но сама певица ни разу не появляется в кадре. Зато ее голос пронизывает всю историю от начала до конца. Передать этот гипнотический вокал, заставляющий забыть обо всем на свете, — задача сложнейшая. И Кобаяси справился гениально.

— Ого... — только и смог выдавить Цзиянь.

В этот момент Лин Чэнь, увлеченно рассуждающий о тонкостях звукозаписи, показался ему невероятно привлекательным. От его застенчивости не осталось и следа — теперь перед Ся Цзиянем стоял настоящий мастер своего дела, увлеченный и чертовски харизматичный.

Ся Цзиянь никогда не думал о фильме в таком ключе. Для него эта лента была прочно спаяна с

личными кошмарами. Кое-как выбравшись из ямы школьной травли, он всеми силами пытался забыть прошлое, а заодно вычеркнул из памяти и «Лили Чоу-Чоу», посчитав картину слишком больной и истеричной. Он долго винил себя за то, что когда-то находил в этом сумасшествии утешение.

— Да уж... — Цзиянь сокрушенно покачал головой, вспоминая свои подростковые терзания. — Сейчас мне кажется, что упиваться всей этой чернухой было верхом глупости. Настоящий детский сад.

— Изумрудные поля, гипнотическая музыка, красно-белый змей, парящий на фоне угольно-черной телебашни... — негромко перечислил Лин Чэнь. — Эта эстетика безупречна. Жестокость, смерть, подростковая неприкаянность и грязные желания — режиссер превратил все это в чистое искусство. Поэтому тебе не за что себя корить. Быть очарованным этим фильмом — нормально. Знаешь, есть теория, что трагедия вызывает у человека извращенное удовольствие. Когда нам плохо, мозг вырабатывает гормоны, чтобы притупить душевную боль, и мы подсознательно начинаем смаковать свои страдания, подсаживаясь на этот коктейль. Чистая химия, сродни наркотической зависимости. Наш организм просто любит кайфовать, вот и всё. Так что перестань себя винить.

— Ничего себе... — выдохнул Ся Цзиянь, пораженный такой лекцией. — Ну ты и голова...

— Вот почему драмы так популярны, — улыбнулся Лин Чэнь. — Но я все равно убежден: настоящая красота созидательна. Это точно не те дешевые фокусы, которые заставляют нас упиваться депрессией ради мимолетного гормонального всплеска. Настоящее искусство должно нести свет и делать людей счастливыми.

Цзиянь понял: Лин Чэнь пытался его утешить. И делал это очень бережно. То зеленое поле, в котором когда-то утонули его надежды, действительно имело свою, мрачную прелесть. Он блуждал в его лабиринтах, но сумел выбраться. Прошлое не нужно вычеркивать или стыдиться его — это часть его пути. Но теперь пришло время двигаться дальше и искать то, что согреет сердце по-настоящему, без болезненного надрыва «трагического романтизма».

Лин Чэнь учился всего лишь в одиннадцатом классе, и разница в возрасте между ними составляла целых пять лет, но в этот миг Ся Цзиянь отчетливо ощутил, насколько этот мальчишка мудрее и глубже его самого.

План «восстановить рассудок через офлайн-встречу друзей по интернету» с треском провалился.

После сеанса они вместе направились в гостиницу. Лин Чэнь впервые уехал так далеко от дома без родителей и, конечно же, даже не подумал забронировать себе жилье. Решение нашлось само собой: Ся Цзиянь благородно пустил его к себе. Вот только, хм... Цзиянь-то ехал один, поэтому забронировал номер с одной двухспальной кроватью. Так что...

Много позже, изнывая от тоски безответных чувств, Ся Цзиянь частенько прибегал к этому

воспоминанию для самоуспокоения:

«Ну поглядите на нас! Мы же в первую же встречу оказались в одной постели. Разве это не знак свыше? Чистая судьба!»

В ту ночь они улеглись бок о бок без тени неловкости. Разговор завязался мгновенно и увлек их настолько, что о сне никто и не думал.

Когда они вышли из душа и легли, Цзияня охватило непреодолимое желание открыться Лин Чэню.

Ему вдруг безумно захотелось доверить этому человеку свою самую сокровенную тайну, которую он хранил долгие годы:

— Знаешь... А ведь я действительно обожал этот фильм. Мне казалось, что я прекрасно понимаю и Хасуми, и даже Хосино. Что мы с ними одной крови.

<http://bllate.org/book/20127/2039194>